

DOI 10.15593/perm.kipf/2018.3.03

УДК 17.022.1

ДВЕ ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ОБЯЗАННОСТЬ И СВЕРХОБЯЗАТЕЛЬНОЕ

А.В. Прокофьев

Институт философии РАН, Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5015-8226>

Цель статьи – сравнение двух разных способов, посредством которых моральные ценности определяют поведение моральных деятелей. Они могут предъявляться ему как требования, порождающие обязанность, и как стимулы и ориентиры, находящиеся за пределами сферы обязательного. Методология исследования включает анализ живого морального опыта и поиск рефлексивного равновесия между ним и этической теорией. Моральные обязанности возникают либо вследствие намеренного действия ее обладателя (принятия на себя обязательства), либо независимо от его воли в силу возникновения обязывающей ситуации. Каждая обязанность формирует границу между действиями, которые необходимы к совершению, и действиями, которые изначально выведены за пределы предметов возможного выбора. Те обязанности, которые носят дискреционный характер, диктуют не отдельные поступки, а тенденции поведения. В силу этого отдельный поступок, формально соответствующий дискреционной обязанности, может и не являться обязательным к совершению. Сверхобязательные поступки представляют собой такие действия, которые а) не требуются от морального деятеля, б) не запрещены ему, в) в случае совершения вызывают одобрение, г) в случае несовершения не вызывают осуждения. Их ярким примером служат проявления морального героизма и моральной святости. В этой же нише находятся случаи выполнения дискреционных обязанностей, в которых деятель совершает больше соответствующих обязанности поступков, чем это необходимо для формирования положительной тенденции поведения. Понятие сверхобязательного не отражает в полноте представление о бесконечном горизонте морального совершенствования. Однако оно является способом сблизить это представление с другим интуитивно очевидным убеждением – убеждением в том, что требовательность моральных предписаний не безгранична.

Ключевые слова: мораль, этика, моральные обязанности, дискреционность, сверхобязательные поступки, моральный героизм, моральная святость.

TWO REPRESENTATIONS OF MORAL VALUES: DUTY AND SUPEREROGATION

Andrei V. Prokofyev

RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5015-8226>

The paper analyzes two different methods by means of which moral values determine actions of a moral agent. Moral values are represented through requirements generating duties and through motivating guidelines beyond the sphere of the obligatory. The research is based on the analysis of common moral beliefs and the method of reflective equilibrium. Moral duties are generated by either intentional actions of moral agents (a moral agent undertakes an obligation) or the moral structure of a situation (other people become vulnerable to actions of a moral agent). A moral duty makes a moral agent draw the line between obligatory actions and actions excluded from his/her behavioral repertoire. A discretionary moral duty does not demand to do a particular action. It requires forming an obligatory behavioral tendency. Some particular action in line with a discretionary duty can be nonobligatory. Supererogatory actions have the following features. They are permissible and nonobligatory, their commission is praiseworthy, and their omission is not blameworthy. The most vivid examples of supererogation are moral heroism and moral sanctity. Supererogation also includes those actions in line with a discretionary duty that are redundant for shaping an obligatory behavioral tendency. The idea of supererogation has some tensions with the idea of the unlimited horizon of moral self-perfection. But actually it tries to reconcile the latter idea with the other fundamental moral intuition – the belief that morality is not infinitely demanding.

Keywords: morality, ethics, duties, moral discretion, supererogatory actions, moral heroism, moral sanctity.

Мораль представляет собой такую область индивидуального самоконтроля и самосовершенствования, в которой в качестве центрального ориентира для вынесения оценок и принятия решений выступает благо Другого – другого человека, других людей, общества и человечества. При расширенном понимании морально значимого Другого в круг тех, чье благо определяет оценки и направляет поступки контролирующего и совершенствующего себя индивида, входят все или некоторые нечеловеческие живые существа, экосистемы, природа в целом. Благо Другого выступает в рамках морального опыта в качестве высшей ценности, которая конкретизирована в целом ряде частных ценностей, таких как невреждение, честность, помощь, забота [1, с. 16–37]. Озабоченность положением Другого обладает для морального деятеля двойным статусом: она представляет собой важнейшую часть полной и процветающей жизни и обращенное к нему категорическое требование. Если по каким-то причинам внутренняя притягательность морального образа жизни, снимающая остроту противостояния себялюбивых и альтруистических мотиваций, перестает быть достаточно действенной, чтобы мотивировать совершение поступков, то моральный деятель сталкивается с императивными проявлениями частных моральных ценностей. К нему оказывается обращен целый ряд «нельзя» и «надо», на основе которых он осуществляет преодоление самого себя, требующее концентрации усилий и подчас довольно болезненное. Именно в этом контексте в центральное явление морального опыта превращается понятие обязанности.

Обязанность

Под обязанностью принято подразумевать проекцию морального требования на обобщенно-типическую или реальную ситуацию какого-то типического или реального деятеля. Деятель, имеющий моральную обязанность, «связан» ею, то есть его произвол ограничен в каком-то частном отношении. На основе обязанностей одни доступные деятелю поступки оказываются необходимыми к совершению, а другие – изначально выведенными из числа предметов возможного выбора. Возникновение обязанности может быть связано с разными обстоятельствами. В каких-то случаях обязанность порождена намеренным действием ее обладателя, в других – складывающейся независимо от его воли обязывающей ситуацией. В первом случае обязанность является одновременно обязательством. Парадигмальные примеры принятия на себя обязательств – обещание и заключение соглашения (договора). Однако существуют и такие намеренные действия, которые формально не являются принятием обязательства, но полноценно выполняют его роль. Среди них – сознательное создание деятелем законных ожиданий со стороны других людей или зависимости их интересов и потребностей от собственных поступков. В подобном положении, например, находится человек, заводящий ребенка или вступающий в дружеские отношения. Что касается непровольного возникновения обязывающих ситуаций, то под ним подразумеваются случаи, когда интересы и потребности других людей становятся уязвимыми для поступков деятеля по случайному стечению обстоятельств. Так евангельский добрый самарянин, равно как и следовавшие перед ним по дороге из Иерусалима в Иерихон священник и левит, были поставлены в морально обязывающее отношение к лежащему на обочине израненному человеку силой событий, не зависящих от их воли.

Центральное место в системе моральных обязанностей занимают те, которые деятель имеет по отношению к любому моральному Другому, например к любому человеку, поскольку тот является человеком. Мера самоограничений или масштаб содействия благу Другого в этом случае не зависят от личных отношений с ним, от разных проявлений близости между деятелем и реципиентом последствий действия. Они определяются исключительно характе-

ром обязывающей ситуации. Израненный человек из евангельской притчи является хорошим примером такого Другого, который, не будучи близким и родным, тем не менее ситуативно выступает как источник обязанности. Такие обязанности принято называть общими. Однако значительное количество моральных обязанностей предполагает предпочтение одного реципиента перед другим. Они формируются на основе выбора деятеля (обязанности перед друзьями или возлюбленными) либо на основе неизбираемой близости с другими людьми (обязанности перед родителями, согражданами, соотечественниками и т.д.). Их принято называть специальными (см. подробнее: [2, p. 126–148], [3]).

В краткой характеристике места обязанностей в моральном опыте, содержащейся во введении к данной статье, основным конфликтом, который переживает моральный деятель, был конфликт между его эгоистическими склонностями и обращенными к нему моральными требованиями. Актуализация этого конфликта заставляла деятеля чувствовать на себе императивную силу моральных ценностей и ставила перед ним практическую задачу самопреодоления. Однако человек, признающий свою «связанность» моральным долгом, вынужден решать и другие задачи. Они возникают в связи конфликтами между самими обязанностями, или, словами И. Канта, коллизиями между основаниями обязанностей [4, с. 246]. Для того чтобы создать точную теоретическую картину таких конфликтов, У.Д. Росс ввел разграничение между обязанностями *prima facie* (что означает «с первого взгляда», «при отсутствии доказательств противоположного») и «подлинными», или «реальными», обязанностями. Владелец морального сознания фиксирует обязанности *prima facie* на основе одного только абстрактного описания определенного действия, безотносительно к любой конкретной ситуации. В процессе морального выбора какая-то из обязанностей *prima facie* превращается в обязанность, требующую непременно исполнения («подлинную» или «реальную»). Если же определенной ситуации соответствует не одна, а две или более обязанностей *prima facie* и они не могут быть исполнены параллельно, то деятель выбирает в пользу той, которая является в этих условиях более настоятельной [5, p. 16–64].

В этической теории встречается тезис, что разрешение конфликтов обязанностей *prima facie* находится в сфере, не подлежащей общезначимому выражению, что деятели определяют «подлинную» или «реальную» обязанность на основе строго индивидуализированной оценки уникальных ситуаций. Однако анализ общераспространенных форм моральной оценки, или морального чувства, показывает, что обязанности *prima facie* представляют собой организованную систему, отношения внутри которой являются, по крайней мере, одним из оснований для разрешения нормативных конфликтов. Это означает, что деятелям доступны более или менее прозрачные общезначимые алгоритмы преобразования обязанностей *prima facie* в «реальные» или «подлинные» обязанности. Самый простой из таких алгоритмов связан с количественными параметрами той зависимости или уязвимости Другого, которая создает обязанность. Если моральный деятель находится в ситуации, когда он может оказать помощь только одному из двух нуждающихся в ней людей, то при прочих равных его реальной обязанностью окажется обязанность помочь тому, чья потребность в помощи больше. Вместе с тем анализ морального чувства показывает, что наряду с количественными параметрами имеют значение и качественные. Скажем, несанкционированное использование чужой собственности с целью оказания помощи не может превратиться в реальную обязанность просто на основе того, что потенциальные потери собственника будут меньше, чем приобретения реципиента помощи. Точно так же и вынужденное причинение физического ущерба одному лицу, необходимое для оказания помощи другому, не регулируется простым арифметическим сравнением их потерь и

приобретений. Совершенно очевидно, что не может быть морально обязательным действием недобровольное изъятие донорской почки у одного пациента ради спасения другого или многих других (случай, постоянно обсуждающийся в нормативной этике как пример заведомо недопустимого действия, начиная с работ Ф.Фут [6, р. 24] и Дж.Дж. Томсон [7, р. 205–206]). Это означает, что между обязанностями *prima facie* существует дифференциация по приоритетности исполнения [8, с. 50] или по императивной силе [5, р. 21].

Императивность морали, с которой сталкивается всякий моральный деятель, осознающий тот факт, что у него есть обязанности, является неоднородной. Некоторые требования, обращенные к нему, оставляют в процессе их исполнения очень мало пространства для индивидуального усмотрения, другие же, напротив, сохраняют широкий простор индивидуализированного выбора. При переносе этого различия на уровень обязанностей можно сказать, что некоторые обязанности являются безусловными или категорическими, а другие – обладают определенной степенью дискреционности. Известным прецедентом описания этой неоднородности является кантовское соотнесение долга в широком и узком смысле слова, а также совершенных и несовершенных обязанностей. Долг в узком смысле слова требует совершать конкретные поступки, а долг в широком смысле слова требует следовать определенной максиме. В силу этого долг первого типа можно исполнить полностью, а долг второго типа имеет бесконечную перспективу реализации (любое действие, продиктованное им, не достигает цели, а лишь соответствует ей). Переходя на уровень обязанностей, Кант провозглашает следующее правило: «чем шире долг, тем менее совершенна обязательность человека к поступку» [4, с. 431]. Несовершенство обязательности и, соответственно, обязанности подразумевает возможность влияния индивидуальных особенностей (склонностей) человека на выбор способов и поводов ее реализации. Совершенство обязанности, в свою очередь, предполагает отсутствие такой вариативности (отсутствие индивидуализированного «простора») [4, с. 431].

Таким образом, в заданной Кантом перспективе не каждая обязанность требует от ее обладателя совершать соответствующие ей поступки при каждой возникающей для этого возможности. Такое требование порождают лишь те обязанности, которые заданы нормами, прямо регулируемыми действиями. Иная ситуация складывается в связи с обязанностями, которые формируются на основе норм, предписывающих не действие, а выбор определенной цели и требующих подтверждать такой выбор поступками. Они имеют дискреционный характер, и эта их дискреционность проявляется двояким образом. Во-первых, пространство для выбора открывается перед деятелем в том случае, когда одна и та же моральная цель в определенный момент времени и в сложившихся обстоятельствах может быть реализована разными способами или когда две или более моральные цели порождают взаимоисключающие линии поведения. Выбирая один из способов реализации цели или одну из целей и соответствующую ей линию поведения, моральный деятель полноценно исполняет свою обязанность. В отличие от случая с конфликтом обязанностей *prima facie*, выбор любой из альтернатив будет правильным. Во-вторых, пространство для выбора открывается перед деятелем тогда, когда моральная какая-то цель может быть реализована во множестве последовательно складывающихся ситуаций и для успешной реализации этой цели достаточно использовать лишь какую-то часть из них. Соответственно деятель может выбирать, в каких случаях использовать открывающуюся перед ним возможность достижения цели, а в каких нет, при условии, что в будущем у него еще остаются шансы реализовать цель в достаточном для успеха количестве случаев. Если, несмотря на отказ использовать какие-то возможности для реализации цели, его

поведение в целом сохраняет тенденцию, направленную к ее реализации, то он выполняет все то, что от него требует мораль (оба аспекта обсуждаются в классической работе Т. Хилла «Кант о несовершенных обязанностях и сверхобязательном» [9]).

Сверхобязательное

Если вновь вернуться к характеристике места обязанностей в моральном опыте из введения к статье, то в ней обязанности выступали в качестве безальтернативного средства воплощения моральных ценностей. Вернее, обязанности превращалась в такое средство во всех случаях, когда невредящее, честное, помогающее и заботливое поведение деятеля не обеспечивается непосредственной притягательностью морального образа жизни. Другими словами и в более общих терминах, до сих пор в рамках данной статьи по умолчанию признавалась возможность перевода всего ценностно-нормативного содержания морали на язык обязанностей. Ориентирующая функция моральных ценностей в случае обострения конфликта между стремлением деятеля к его собственному благу и стремлением к благу Другого без каких-либо изъятий дополнялась функцией императивной. Однако в живом опыте моральной оценки присутствует более сложная, полная нюансов ситуация. Моральная оценка не сводится к фиксации успешного или неудавшегося исполнения моральных обязанностей. Об этом ярко свидетельствует такой моральный феномен, как сверхобязательное поведение (развернутые монографические исследования этого феномена принадлежат Д. Хейду и Г. Меллеме [10], [11]).

Для того чтобы сделать первый шаг к раскрытию сути сверхобязательного, необходимо соотнести проблематику моральной обязательности с проблематикой морального одобрения и осуждения. По отношению к моральной обязанности доступные деятелю поступки подразделяются на несколько классов. Прежде всего это обязательные действия, то есть требуемые к совершению данной обязанностью (пример – оказание помощи остро нуждающемуся в ней человеку), и запрещенные действия, то есть противоречащие тому, что требует эта обязанность (пример – неоказание помощи остро нуждающемуся в ней человеку). Кроме них, можно выделить такие два класса действий, как допустимые (незапрещенные) и необязательные. Первый класс включает в себя в качестве подкласса обязательные действия, второй – запрещенные. На пересечении допустимости и необязательности находятся те действия, которые имеют нейтральный в отношении этой обязанности характер. Их совершение не будет ее нарушением, но оно и не требуется ею (пример – удовлетворение собственной потребности деятеля в развлечениях, когда обстоятельства не создают острой необходимости помогать кому-то).

Действия, принадлежащие к этим классам, вызывают разную моральную оценку. Совершение обязательного действия порождает одобрение. В случае одних обязанностей оно является более интенсивным (прежде всего тех, которые требуют инициативного содействия благу Другого), в случае других – оно заметно слабее (например, когда речь идет о соблюдении запрета на причинение вреда). Совершение запрещенного действия порождает более или менее сильное осуждение. Нейтральные в отношении какой-то обязанности действия не вызывают на ее основе ни одобрения, ни осуждения. Если учесть существование различных типов обязанностей, то по отношению к обязанностям, имеющим высокую степень дискреционности, необходимо оценивать не столько отдельные действия, сколько долговременные тенденции поведения. Они также могут быть достойными одобрения и предосудительными. При этом несовершение отдельного поступка, требуемого дискреционной обязанностью, оказывается таким действием, которое не влечет за собой осуждения, если оно имеет место внутри достойной одобрения долговременной тенденции поведения. Предосудительным же оно будет

только в том случае, если достойная одобрения тенденция поведения еще не сформирована и для ее формирования важен каждый поступок, соответствующий дискреционной обязанности.

В рамках предложенной выше схемы моральное одобрение и осуждение довольно строго следуют за исполнением и неисполнением обязанностей разных типов. Однако эта связка присутствует не всегда. Существует класс поступков, который получает моральную оценку не на основе более или менее успешного исполнения моральной обязанности, а в связи с тем, что деятель воплощает моральные ценности за пределами предъявляемых ему требований. Эти поступки являются нейтральными в перспективе какой-то конкретной обязанности (они не требуются в связи с ней и не запрещены на ее основе), но получают положительную моральную оценку, вызывают одобрение. Наиболее ярким представителем этого класса являются поступки, предполагающие чрезвычайно высокую степень самопожертвования ради Другого. Они и по намерениям, и по результатам соответствуют основной ценностной установке морали, порождающей систему моральных требований и обязанностей. Однако, по общему мнению, совершение таких поступков превышает психические возможности среднего «добропорядочного человека». Именно так выглядят героические действия, способствующие благу других людей и сопряженные с риском гибели, а также систематическое и непрерывное милосердное служение людям, которые не являются близкими и родными (пристальное внимание к этим феноменам сформировалось в современной этике в связи с работами Дж. Армсона [12] и С. Уолф [13]). Эти линии поведения наделяются высшим статусом в иерархии добрых дел, считаются заслуживающими максимальной степени морального одобрения, а именно – восхищения совершенным, однако одобрение не сопровождается симметричным осуждением тех людей, которые оказались неспособными совершить героический поступок или жить жизнью «морального святого». Признание морального героизма или моральной святости обязательной программой поведения противоречило бы правилу, в соответствии с которым вменять в обязанность можно только то, что можно исполнить [14]. Именно это правило и разрушает строгое соответствие между логикой моральных требований и логикой моральных оценок. Оно разводит между собой ориентирующую и императивную функции моральных ценностей.

Хотя моральный героизм и моральная святость являются самыми яркими и заметными проявлениями сверхобязательного, этот класс поступков, по всей видимости, является более широким. Иные, негероические проявления сверхобязательного напрямую вытекают из структуры обязанностей, носящих дискреционный характер. Если последние требуют от морального деятеля сохранять определенную тенденцию поведения и для сохранения такой тенденции необходима какая-то конкретная частота совершения поступков определенного рода, то все такие поступки, выходящие за пределы необходимого минимума, оказываются одновременно за пределами действий, обязательных к исполнению. Когда, например, систематически занимающийся благотворительностью состоятельный человек пренебрегает потребностями кого-то из потенциальных реципиентов благотворительной помощи и делает это просто потому, что он устал или поглощен своими личными планами и интересами, он не нарушает тем самым своей дискреционной, или несовершенной, обязанности. Нарушение имело бы место только в случае полного отказа от благотворительной практики или радикального сокращения трат и усилий, связанных с ней. Таким образом, отдельный акт благотворительности на фоне и при условии интенсивной благотворительной практики деятеля не является для него обязательным. Вместе с тем он не является запрещенным. И, что самое главное, его совершение похвально. Это значит, что он носит сверхобязательный характер,

но не требует от деятеля того уровня самопожертвования, который характерен для морального героя или святого. Естественно, что какая-то степень интенсивности благотворительной практики, какой-то масштаб потраченных на нее денежных средств и особенно личных усилий и времени будут приближать рассматриваемый случай к моральной святости. Однако со сверхобязательными поступками мы столкнемся гораздо раньше, чем их совокупность превратится в моральную святость.

Теоретический анализ феномена сверхобязательного поведения демонстрирует его внутреннюю противоречивость. Первое противоречие связано с тем, что он основывается на представлении о минимальном пороге потерь и усилий, который необходимо преодолеть, чтобы считаться выполнившим свою моральную обязанность. Введение такого порога санкционирует выбор морального деятеля «в пользу худшего», то есть в пользу такого действия, которое менее полно воплощает моральные ценности в сравнении с имеющимися альтернативами (см.: [15, р. 36–38], [16, р. 573–576]). Допустимость «выбора в пользу худшего» кардинальным образом расходится с некоторыми особенностями морального самосовершенствования. В идеале от морального деятеля ожидаются постоянные усилия по расширению своих физических и психологических возможностей способствовать благу Другого. Приостановка этих усилий обесценивает любой результат, достигнутый на пути самосовершенствования. А если существует порог, за которым усилия по реализации моральных ценностей превращаются из обязательных в желательные, то такая приостановка оказывается вполне приемлемой. Более соответствует логике морального совершенствования модель, в которой требовательность обязанностей постепенно убывает в связи с увеличением потерь и усилий, необходимых для их исполнения. Но и она не отражает в точности свойственного моральному самосовершенствованию приоритета движения над результатом.

Второе противоречие связано с самовосприятием людей, совершающих сверхобязательные поступки. Они, как правило, рассматривают свои деяния в качестве выполнения обязанности, в качестве того, что на их месте должен был бы сделать каждый. Таким образом, признавая категорию сверхобязательного, мы принимаем внешний взгляд на моральный героизм и моральную святость в ущерб внутреннему и вынуждены объявить моральных героев и святых заблуждающимися в отношении статуса их поступков. Этот вывод кажется не имеющим значения для обсуждения вопроса о необходимости оставить в ценностно-нормативной системе морали пространство для сверхдолжного или устранить его. Однако, признав существование сверхдолжных поступков и согласившись с этим выводом, мы будем вынуждены принять интуитивно неприемлемое утверждение, что действия морального героя или святого, считающего, что он выполняет свою обязанность, должны получать меньшее одобрение, чем действия того же героя или святого, понимающего, что он выходит за пределы своих обязанностей [17]. А если мы откажемся от понятия сверхдолжного, то тем самым мы избавим себя от необходимости высказывать контринтуитивные суждения.

Эти противоречия могли бы стать аргументом в пользу преобразования системы моральных оценок и устранения из нее категории сверхдолжного поведения. Однако подобная реакция свидетельствовала бы о непонимании того факта, что появление этой категории представляет собой результат сложного компромисса между разными моральными интуициями и тенденциями морального опыта. Специфика морального самосовершенствования, заставляющая признавать приоритет движения над результатом, сопровождается уверенностью моральных деятелей в неограниченной требовательности морали и их потребностью видеть перед собой достижимые цели. В противном случае исполнение долга начинает ка-

заться недостижимым, что неизбежно порождает пессимизм и даже отчаяние в отношении успешной моральной самореализации. Проведение границ между должным и сверхдолжным поведением является способом уравновесить два базовых представления морального сознания так, чтобы присутствие определенной достижимой цели сопровождалось сохранением стимулов для продвижения за ее пределы.

Список литературы

1. Апресян Р.Г., Артемьева О.В., Прокофьев А.В. Смысл и содержание морали // Феномен моральной императивности. Критические очерки / ИФ РАН. – М., 2018. – С. 16–37.
2. Jeske D. Rationality and moral theory: How intimacy generates reasons. – New York: Routledge Publishing, 2008. – 190 p.
3. Keller S. Partiality. – Princeton: Princeton University Press, 2013. – 177 p.
4. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч.: в 8 т. Т. 6. – М.: Чоро, 1994. – С. 225–543.
5. Ross W.D. The right and the good. – New York: Oxford University Press, 2002. – 183 p.
6. Foot P. The Problem of abortion and the doctrine of the double effect (1967) // Virtues and vices and other essays in moral philosophy. – Los Angeles: California University Press, 1978. – P. 19–32.
7. Thomson J.J. Killing, letting die, and the trolley problem // The Monist. – 1976. – Vol. 59. – No. 2. – P. 204–217.
8. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 532 с.
9. Hill T.E. Kant on Imperfect Duties and Supererogation // Kant-Studien. – 1971. – Vol. 62. – No. 1–4. – P. 55–76.
10. Heyd D. Supererogation: its status in ethical theory. – New York: Cambridge University Press, 1982. – 191 p.
11. Mellema G. Beyond the call of duty: supererogation, obligation, and offence. – Albany: SUNY Press, 1991. – 226 p.
12. Urmson J.O. Saints and heroes (1958) // Ethics: history, theory, and contemporary issues / ed. by S.M. Cahn, P. Markie. – New York: Oxford University Press, 1998. – P. 699–707.
13. Wolf S. Moral saints (1982) // Ethics: history, theory, and contemporary issues / ed. by S.M. Cahn, P. Markie. – New York: Oxford University Press, 1998. – P. 708–721.
14. Howard-Snyder F. Ought implies can // The international encyclopedia of ethics / ed. by H. LaFollette. – Malden: Blackwell Publishing, 2013. – P. 3748–3756.
15. Horgan T., Timmons M. Untying a knot from the inside out: reflections on the ‘paradox’ of supererogation // Social Philosophy and Policy. – 2010. – Vol. 27. – No. 2. – P. 29–63.
16. Ferry M. Does morality demand our very best? Moral prescriptions and the line of duty // Philosophical Studies. – 2013. – Vol. 165. – No. 2. – P. 573–589.
17. Archer A., Ridge M. The heroism paradox: another paradox of supererogation // Philosophical Studies. – 2015. – Vol. 172. – No. 6. – P. 1575–1592.

References

1. Apressyan R.G., Artemieva O.V., Prokofyev A.V. Smysl i sodержanie morali [The sense and the content of morality]. *Fenomen moral'noi imperativnosti. Kriticheskie ocherki*. Moscow, Institut filosofii RAN, 2018, pp. 16–37.
2. Jeske D. Rationality and moral theory: how intimacy generates reasons. New York, Routledge Publishing, 2008, 190 p.
3. Keller S. Partiality. Princeton, Princeton University Press, 2013, 177 p.
4. Kant I. Metafizika нравов [The metaphysics of morals]. *Sochineniia*. Moscow, Choro, 1994, vol. 1, pp. 225–543.
5. Ross W.D. The right and the good. New York, Oxford University Press, 2002, 183 p.

6. Foot P. The problem of abortion and the doctrine of the double effect (1967). *Virtues and Vices and Other Essays in Moral Philosophy*. Los Angeles, California University Press, 1978, pp. 19–32.
7. Thomson J.J. Killing, letting die, and the trolley problem. *The Monist*, 1976, vol. 59, no. 2, pp. 204–217.
8. Rawls J. Teoriia spravedlivosti [A theory of justice]. Novosibirsk, Novosibirskii universitet, 1995, 532 p.
9. Hill T.E. Kant on imperfect duties and supererogation. *Kant-Studien*, 1971, vol. 62, no 1–4, pp. 55–76.
10. Heyd D. Supererogation: its status in ethical theory. New York, Cambridge University Press, 1982, 191 p.
11. Mellema G. Beyond the call of duty: supererogation, obligation, and offence. Albany, SUNY Press, 1991, 226 p.
12. Urmson J.O. Saints and Heroes (1958). *Ethics: History, Theory, and Contemporary Issues*. Eds. S.M.Cahn, P.Markie. New York, Oxford University Press, 1998, pp. 699–707.
13. Wolf S. Moral Saints (1982). *Ethics: History, Theory, and Contemporary Issues*. Eds. S.M.Cahn, P.Markie. New York, Oxford University Press, 1998, pp. 708–721.
14. Howard-Snyder F. Ought Implies Can. *The international encyclopedia of ethics*. Ed. H. LaFollette. Malden, Blackwell Publishing, 2013. pp. 3748–3756.
15. Horgan T., Timmons M. Untying a knot from the inside out: reflections on the ‘paradox’ of supererogation. *Social Philosophy and Policy*. 2010, vol. 27, no 2. pp. 29–63.
16. Ferry M. Does morality demand our very best? Moral prescriptions and the line of duty. *Philosophical Studies*, 2013, vol. 165, no 2, pp. 573–589.
17. Archer A., Ridge M. The heroism paradox: another paradox of supererogation. *Philosophical Studies*, 2015, vol. 172, no. 6, pp. 1575–1592.

Получено: 11.05.2018

Принято к печати: 11.09.2018